

УДК 343.1

DOI: 10.34670/AR.2026.56.21.051

Применение мер процессуального принуждения к потерпевшему в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: пределы допустимости и проблемы правоприменения

Хагуш Алан Нугзарович

Аспирант,
Кубанский государственный университет им. И.Т. Трубилина,
350044, Российская Федерация, Краснодар, ул. Калинина, 13;
e-mail: Khagush@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются особенности правового положения потерпевшего в уголовном судопроизводстве в контексте применения к нему мер процессуального принуждения. Отмечается противоречивость его статуса: с одной стороны, потерпевшему предоставляется широкий комплекс процессуальных прав, с другой — на него возлагаются обязанности, невыполнение которых влечет возможность применения принудительных мер. Анализируется правовая природа обязательства о явке, привода и денежного взыскания в отношении потерпевшего, выявляются их превентивный и репрессивный потенциал, а также риски трансформации потерпевшего из объекта защиты в объект процессуального контроля. Особое внимание уделяется проблемам надлежащего уведомления, оценке уважительных причин неявки, учету психического и материального состояния потерпевшего, а также специфике применения принуждения к уязвимым категориям (несовершеннолетним, пожилым, инвалидам). Обосновывается вывод о необходимости нормативной конкретизации условий и пределов применения мер процессуального принуждения к потерпевшему, закрепления охранительного характера его статуса и признания принуждения в отношении него исключительной, а не обычной процессуальной мерой.

Для цитирования в научных исследованиях

Хагуш А.Н. Применение мер процессуального принуждения к потерпевшему в уголовном судопроизводстве Российской Федерации: пределы допустимости и проблемы правоприменения // Вопросы российского и международного права. 2026. Том 16. № 5А. С. 448-456. DOI: 10.34670/AR.2026.56.21.051

Ключевые слова

Потерпевший, уголовное судопроизводство, меры процессуального принуждения, обязательство о явке, привод, денежное взыскание, надлежащее уведомление, уважительные причины неявки, статус потерпевшего, уязвимые категории участников процесса, методология исследования.

Введение

Уголовно-процессуальная деятельность традиционно строится на возможности применения мер государственного принуждения. Это необходимо для того, чтобы обеспечить выполнение задач уголовного судопроизводства и не допустить срыва процессуальных решений. Однако особую сложность представляет ситуация, когда меры принуждения применяются не к подозреваемому или обвиняемому, а к потерпевшему. Потерпевший уже пострадал от преступления, испытал физический, имущественный или моральный вред, а потому его положение в уголовном процессе является уязвимым и требует более бережного отношения со стороны государства.

На практике именно потерпевший нередко становится ключевым участником процесса, так как именно он обладает значимой информацией об обстоятельствах преступления. В то же время потерпевший не всегда может или хочет активно участвовать в расследовании. Это может быть связано как с объективными причинами, так и с субъективным нежеланием продолжать переживание травматичной ситуации. В результате возникает противоречие: с одной стороны, потерпевший обязан являться по вызовам следователя и суда, а с другой – он остается лицом, нуждающимся в защите, а не объектом репрессивного воздействия.

По действующему законодательству к потерпевшему могут применяться отдельные меры процессуального принуждения. Но сам институт этих мер нельзя признать полностью ясным и внутренне непротиворечивым. Не всегда очевидно, где проходит граница допустимого вмешательства в права потерпевшего. В одних случаях акцент делается на обеспечении эффективности уголовного процесса, в других — на защите личности. Из-за этого на практике встречаются различные подходы к тому, как и при каких условиях применять меры принуждения именно к потерпевшему.

Вопрос о применении мер процессуального принуждения к потерпевшему нельзя считать однозначно решенным. Он связан с поиском баланса между интересами правосудия и уважением к правам человека. С одной стороны, государство обязано обеспечить расследование преступления и защиту общественных интересов. С другой стороны, потерпевший не должен превращаться в объект избыточного процессуального давления. Именно поэтому необходима научная оценка действующих норм и практики их применения, с тем чтобы определить реальные пределы допустимого принуждения в отношении потерпевшего и предложить пути совершенствования правового регулирования в этой сфере.

Результаты исследования

Правовой статус потерпевшего в уголовном судопроизводстве во многом противоречив. С одной стороны, закон предоставляет ему значительный объем прав. Это участие в следственных действиях, подача ходатайств, ознакомление с материалами дела, возмещение вреда. С другой стороны, на потерпевшего возлагаются и обязанности. Прежде всего это обязанность являться по вызовам следователя, дознавателя и суда. Формально эта обязанность выглядит простой и логичной. Однако в реальной жизни потерпевший часто оказывается в ситуации психологической травмы. Его участие в следственных и судебных действиях сопровождается повторными переживаниями. Поэтому поведение потерпевшего иногда не вписывается в жесткую процессуальную логику. Он может избегать контакта с органами расследования, менять позицию, уклоняться от явки. Именно в этот момент на первый план выходит вопрос о применении к нему мер процессуального принуждения.

Одной из таких мер считается обязательство о явке. По своей правовой природе оно относится к иным мерам процессуального принуждения и заключается в том, что от потерпевшего отбирается письменное обязательство своевременно являться по вызовам дознавателя, следователя или суда, а также незамедлительно сообщать об изменении места жительства. Формально данная мера призвана дисциплинировать участника процесса и обеспечить его доступность для органов расследования и правосудия [Караева, 2021]. Однако при детальном анализе возникает целый комплекс вопросов, касающихся обоснованности и пределов ее применения именно к потерпевшему.

Прежде всего обращает на себя внимание превентивный характер обязательства о явке. Оно применяется не после нарушения обязанности, а заранее, на случай возможной неявки. Иначе говоря, государство как бы авансом исходит из предположения, что потерпевший может уклониться от участия в производстве по делу, и стремится предупредить такое поведение. Подобный подход формирует особый режим контроля над потерпевшим.

С точки зрения права любые ограничения свободы допускаются лишь для достижения значимых целей и при условии их соразмерности. Если речь идет о подозреваемом или обвиняемом, такие ограничения находят объяснение в задачах уголовного преследования. Но в отношении потерпевшего подобная мера выглядит избыточной. Это лицо не обязано терпеть дополнительное вмешательство в личную сферу только потому, что ему был причинен вред.

На практике обязательство о явке может порождать и психологическое давление. Потерпевший начинает воспринимать свое участие в процессе как обязанность, подкрепленную угрозой дальнейших санкций. Между тем его внутренняя мотивация к сотрудничеству с органами правосудия должна строиться не на страхе негативных последствий, а на осознании значимости его роли и доверии к государству. Особенно это важно при расследовании преступлений против личности, когда эмоциональное состояние потерпевшего остается нестабильным, а любое дополнительное давление может ухудшать его психическое состояние.

Обязательство о явке в отношении потерпевшего по своей сути вступает в противоречие с гуманистическим началом уголовного судопроизводства. Оно формирует ситуацию, при которой потерпевший из объекта защиты превращается в объект процессуального контроля. При этом реальная необходимость такой меры не всегда очевидна. В большинстве случаев явка потерпевшего может быть обеспечена путем разъяснения его прав и значимости его участия, а также создания безопасных и комфортных условий взаимодействия с органами расследования и судом.

Именно по этим причинам в научной среде обоснованно высказывается позиция о нецелесообразности применения обязательства о явке к потерпевшему. Более логичным представляется использование мер принуждения только при фактическом уклонении, когда лицо неоднократно не является без уважительных причин. Такой подход позволяет сохранить баланс между интересами правосудия и уважением к личности потерпевшего, не подменяя его правовой статус на статус подконтрольного субъекта процесса [Татьянин, Мухаметгалиев, 2019].

Более распространенной мерой является привод. Обычно он воспринимается как вполне оправданное средство реагирования на уже состоявшуюся неявку потерпевшего. Если потерпевший был надлежащим образом уведомлен о времени и месте явки, но без уважительных причин не прибыл, то возможно применение привода. В отличие от обязательства о явке, здесь речь идет не о предположении возможного нарушения, а о факте, который можно зафиксировать документально. На первый взгляд, это делает меру более логичной и юридически понятной. Однако при более внимательном рассмотрении выясняется,

что и в отношении привода далеко не все так однозначно, особенно когда речь идет о потерпевшем, а не об обвиняемом [Горский, 2009].

Ключевым является вопрос о том, что следует понимать под «надлежащим уведомлением» потерпевшего о вызове к дознавателю, следователю либо в суд. В правоприменительной практике нередко исходят из презумпции, что направление повестки по известному адресу само по себе свидетельствует о факте извещения. Однако такое допущение не всегда соответствует действительности. Повестка может быть утрачена в процессе доставки, получена третьими лицами и впоследствии не передана адресату. В сельской местности и отдаленных регионах случаи несвоевременной доставки корреспонденции являются распространенным явлением. Нередки ситуации, когда повестка поступает уже после даты явки, либо направляется по адресу, по которому потерпевший фактически не проживает в течение длительного времени. При таких обстоятельствах применение привода по формальному основанию фактически приобретает характер необоснованного принудительного воздействия на лицо, которое объективно не было уведомлено о вызове.

Не меньшую правовую значимость имеют и причины неявки потерпевшего. Потерпевшие по уголовным делам о семейно-бытовом насилии, преступлениях против половой свободы и неприкосновенности личности, а также по делам, связанным с организованной преступностью, нередко испытывают страх перед обвиняемым либо его окружением. Такой страх является объективной реакцией на сложившуюся ситуацию и не может игнорироваться при оценке их поведения [Горбунова, 2018].

Нельзя игнорировать и психологический аспект применения привода к потерпевшему. В его восприятии привод нередко выглядит как форма силового воздействия со стороны государства, к которому он первоначально обратился за защитой своих прав и законных интересов. Это способно порождать у него ощущение несправедливости и внутреннего диссонанса: лицо, потерпевшее от преступления, фактически само подвергается принудительному доставлению. В отдельных случаях подобные действия воспринимаются потерпевшим как унижительные, особенно если привод осуществляется публично, в присутствии сослуживцев, соседей или иных лиц.

Особого внимания требуют уязвимые категории потерпевших: несовершеннолетние, лица преклонного возраста, инвалиды, а также лица, страдающие психическими расстройствами. В отношении таких потерпевших применение физического принуждения допустимо исключительно как крайняя мера, когда иными способами обеспечить их явку невозможно. В отношении несовершеннолетних оно, по общему правилу, допустимо только при наличии абсолютной необходимости и с обязательным участием законных представителей, а при возможности и специалистов в области психологии. Между тем в правоприменительной практике иногда прослеживается формальный подход, сводящийся к простой схеме: не явился – подлежит приводу, без учета индивидуальных особенностей личности и конкретных жизненных обстоятельств. Такой подход нельзя признать соответствующим принципам гуманизма и уважения прав личности.

Следует учитывать и долгосрочные последствия применения привода. Каждый случай его использования формирует отношение потерпевшего к системе правосудия. Если потерпевший начинает воспринимать государство не как защитника, а как источник дополнительного давления, это неизбежно снижает его готовность к сотрудничеству: давать полные и откровенные показания, участвовать в очных ставках, предоставлять сведения, имеющие доказательственное значение. В результате правоприменитель сам ограничивает свои возможности по установлению объективной истины по делу.

Исходя из изложенного, применение привода в отношении потерпевшего допустимо лишь при условии соблюдения совокупности базовых требований. Во-первых, должно быть достоверно установлено, что потерпевший был надлежащим образом уведомлен о времени и месте явки. Во-вторых, должны быть проверены и исключены уважительные причины его неявки. В-третьих, участие потерпевшего должно обладать реальной значимостью для проведения конкретного процессуального действия, а не носить факультативный характер. Только при совокупности этих условий привод может рассматриваться как мера, соответствующая задачам уголовного судопроизводства и принципу уважения прав и свобод личности. В противном случае он фактически превращается в чрезмерное и формализованное принуждение, не отвечающее требованиям справедливости и соразмерности.

Еще одной мерой процессуального воздействия на потерпевшего является денежное взыскание. Данная мера применяется исключительно судом и по своей правовой природе носит характер процессуальной ответственности за неисполнение возложенных законом обязанностей. В отличие от привода, который направлен прежде всего на обеспечение явки, денежное взыскание ориентировано на реагирование на уже совершенное процессуальное правонарушение. Тем самым создается механизм дополнительной гарантии соблюдения потерпевшим правил участия в уголовном судопроизводстве.

Следует отметить, что в реальной практике данная мера используется сравнительно редко. Как правило, суды прибегают к денежному взысканию лишь в тех случаях, когда поведение потерпевшего приобретает устойчивый и явно недобросовестный характер [Лабусова, 2024]. Денежное взыскание в отношении потерпевшего может быть оправдано в тех случаях, когда его поведение уже выходит за рамки обычной неявки и приобретает признаки недобросовестного участия в процессе. Имеются в виду ситуации, когда потерпевший неоднократно игнорирует вызовы, не реагирует на уведомления, меняет место нахождения без сообщения органу расследования или суду, либо фактически использует свое процессуальное положение для затягивания дела. В этом смысле денежное взыскание выполняет скорее дисциплинирующую функцию: статус потерпевшего, безусловно, предполагает дополнительные гарантии, но не освобождает лицо от обязанности исполнять процессуальные требования.

Вместе с тем применять данную меру к потерпевшему следует весьма осторожно. Нельзя не учитывать, что речь идет о лице, которому уже причинен вред преступлением, причем последствия такого вреда могут быть не только имущественными, но и психологическими. Поэтому неявка потерпевшего далеко не всегда свидетельствует о его уклонении. Она может быть связана с болезнью, тяжелым материальным положением, отсутствием возможности добраться до следователя или суда, семейными обстоятельствами. Отдельно следует учитывать случаи, когда потерпевший опасается обвиняемого либо лиц из его окружения. В такой ситуации вопрос должен ставиться не о взыскании, а прежде всего о проверке причин неявки и обеспечении безопасности.

Поэтому решающее значение имеет разграничение между виновным уклонением и объективной невозможностью явки. Денежное взыскание допустимо лишь тогда, когда установлено, что потерпевший был надлежащим образом уведомлен, имел реальную возможность явиться, но без уважительных причин этого не сделал. Кроме того, при определении размера взыскания необходимо принимать во внимание имущественное положение потерпевшего, характер нарушения и то, повлекла ли его неявка реальные затруднения для расследования или судебного разбирательства. Иначе данная мера рискует превратиться из средства процессуального воздействия в дополнительное бремя для лица, уже пострадавшего от преступления.

Таким образом, денежное взыскание в отношении потерпевшего может рассматриваться как оправданный инструмент воздействия только в тех случаях, когда доказано его сознательное и необоснованное уклонение от исполнения процессуальных обязанностей. Превращение этой меры в способ давления на потерпевшего, уже находящегося в психологически и часто материально сложном положении, является недопустимым. Рациональным представляется подход, при котором денежное взыскание выступает крайней мерой воздействия, применяемой после того, как иные, более мягкие средства правового воздействия оказались безрезультатными.

Современное уголовно-процессуальное регулирование применения мер принуждения к потерпевшему характеризуется рядом существенных законодательных пробелов и неопределенностей, которые создают риск несоразмерного вмешательства в его права и законные интересы. Прежде всего обращает на себя внимание отсутствие в УПК РФ четкой легальной дефиниции «надлежащего уведомления» потерпевшего о вызове [Мельников, 2014].

Указанная неопределенность в большинстве случаев способна приводить к подмене факта уведомления фактом направления повестки. Между тем между этими действиями имеется принципиальное различие: направление повестки свидетельствует лишь о совершении процессуального действия со стороны должностного лица, но не всегда подтверждает, что адресат получил сведения о времени, месте и цели вызова. При отсутствии такого подтверждения применение привода приобретает спорный характер, поскольку мера процессуального принуждения фактически основывается не на виновном уклонении потерпевшего от явки, а на предположении о его осведомленности.

Например, потерпевший после совершения преступления временно изменил место проживания, о чем следователь не был своевременно уведомлен. Повестка была направлена по адресу регистрации, указанному в материалах дела, однако фактически потерпевший ее не получил. В дальнейшем его неявка была расценена как отсутствие без уважительных причин, что послужило основанием для вынесения постановления о приводе. В подобной ситуации принудительное доставление лица не отвечает требованиям процессуальной справедливости, поскольку отсутствует достоверное подтверждение того, что потерпевший был надлежащим образом извещен и сознательно не исполнил возложенную на него процессуальную обязанность.

Другим проблемным аспектом является отсутствие в уголовно-процессуальном законе даже примерного перечня уважительных причин неявки потерпевшего. Это фактически предоставляет правоприменителю широкую «волю» при оценке поведения потерпевшего и нередко приводит к тому, что объективная невозможность явки по причинам болезни, семейных обстоятельств, отсутствия транспортной доступности или угрозы безопасности необоснованно приравнивается к сознательному уклонению [Задерако, 2005]. Для обеспечения единообразия практики и исключения произвольного подхода целесообразно нормативно закрепить примерный перечень уважительных причин неявки, сохранив при этом возможность их гибкой оценки применительно к конкретной ситуации, а возникающие сомнения предписать толковать в пользу потерпевшего.

Наконец, на уровне закона по-прежнему не отражен охранительный характер статуса потерпевшего, что фактически приводит к отождествлению его с иными участниками процесса, в том числе со свидетелем, в сфере применения мер процессуального принуждения. Между тем потерпевший является лицом, которому преступлением причинен вред, и потому нуждается в повышенной правовой защите со стороны государства [Петрухин, 1985]. В этой связи

целесообразно нормативно закрепить принцип, согласно которому меры процессуального принуждения к потерпевшему допускаются исключительно как крайняя мера и только при невозможности достижения целей уголовного судопроизводства иными, менее обременительными способами. Такой комплекс законодательных изменений позволит обеспечить должный баланс между публичными интересами правосудия и охранительной природой статуса потерпевшего, исключив превращение мер процессуального принуждения в средство избыточного и репрессивного воздействия.

Выводы

В завершение можно сказать, что положение потерпевшего в уголовном судопроизводстве нельзя назвать однозначным. Формально он наделен достаточно широкими правами: участвует в следственных действиях, заявляет ходатайства, знакомится с материалами дела, вправе требовать возмещения вреда. Но вместе с тем на него возлагаются и обязанности, включая обязанность являться по вызовам следственных органов и суда. На бумаге это выглядит логично, однако на практике потерпевший зачастую находится в состоянии стресса и эмоциональной нестабильности, что неизбежно отражается на его поведении и готовности взаимодействовать с органами правосудия. Именно поэтому вопрос о применении к нему мер процессуального принуждения требует особого внимания.

Особенно проблемным выглядит обязательство о явке. По сути, это превентивная мера, которая предполагает ограничение свободы передвижения еще до того, как человек нарушит возложенные на него обязанности. Применительно к потерпевшему такая конструкция выглядит не вполне оправданной, поскольку он не является объектом уголовного преследования и уже пострадал от преступления. В результате его статус постепенно смещается из сферы защиты в сферу контроля, что с трудом согласуется с принципами гуманизма и уважения к личности. На практике вполне достаточно разъяснения прав и обязанностей, а также нормального, уважительного общения с потерпевшим, чтобы обеспечить его участие в процессе без использования подобного рода мер.

Что касается привода, то он действительно может выступать необходимой мерой, но только тогда, когда сомнений в надлежащем уведомлении нет и когда установлено, что потерпевший сознательно уклоняется от участия. Если же неявка обусловлена болезнью, семейными обстоятельствами, страхом за свою безопасность или банальной задержкой почтовой корреспонденции, применение привода выглядит излишним и лишь усиливает психологическое давление на человека. Особенно осторожно необходимо подходить к вопросу принудительного доставления несовершеннолетних, пожилых и иных уязвимых категорий потерпевших.

Похожим образом следует оценивать и денежное взыскание. По замыслу оно должно дисциплинировать, но при формальном подходе способно превратиться в средство давления на лицо, которое и без того находится в трудном положении. Поэтому такая мера может считаться оправданной только тогда, когда доказано именно умышленное и неоднократное уклонение от участия в процессе.

В целом можно сделать вывод, что действующее регулирование не всегда в полной мере учитывает особую роль и уязвимость потерпевшего. Отсутствие четких критериев надлежащего уведомления и уважительных причин неявки, а также специальных гарантий при применении мер принуждения фактически приводит к тому, что потерпевший нередко воспринимается как обычный участник процесса, хотя по своей сути он нуждается прежде всего в защите.

Представляется, что меры процессуального принуждения в отношении потерпевшего должны рассматриваться как исключение, а не как привычный инструмент воздействия. Такой подход позволяет сохранить баланс между интересами правосудия и уважением к личности, не превращая уголовный процесс в дополнительный источник давления на того, кто уже понес вред от преступления.

Библиография

1. Горбунова А.А. Актуальные проблемы применения мер процессуального принуждения в отношении потерпевших // Сборник избранных статей по материалам научных конференций ГНИИ «Нацразвитие» / выпускающий редактор Ю.Ф. Эльзесер; ответственный за выпуск Л.А. Павлов. 2018. С. 86–88.
2. Горский В.В. Участие потерпевшего и его представителя в решении вопроса о применении к подозреваемому (обвиняемому) мер процессуального принуждения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2009. № 1 (6). С. 341–348.
3. Задерако К.В. Иные меры процессуального принуждения: дис. ... канд. юрид. наук. Ростов н/Д, 2005. 189 с.
4. Караева А.А. Отдельные вопросы применения меры процессуального принуждения в виде обязательства о явке в отношении свидетелей и потерпевших в российском уголовном судопроизводстве // Наукосфера. 2021. № 2-2. С. 188–192.
5. Лабусова Л.Э. Применение мер принуждения в отношении потерпевшего в уголовно-процессуальном законодательстве России и стран СНГ // Уголовное судопроизводство России и зарубежных государств: проблемы и перспективы развития: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 2024. С. 522–525.
6. Мельников В.Ю. Обеспечение и защита прав человека при применении мер процессуального принуждения в досудебном производстве Российской Федерации: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2014. 54 с.
7. Петрухин И.Л. Свобода личности и уголовно-процессуальное принуждение. М.: Наука, 1985. 256 с.
8. Татьянин Д.В., Мухаметгалиев И.Г. Применение принуждения к потерпевшим в уголовном судопроизводстве России // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2019. Т. 29. Вып. 1. С. 97–101.

Application of Procedural Coercion Measures to the Victim in Criminal Proceedings of the Russian Federation: Limits of Admissibility and Problems of Law Enforcement

Alan N. Khagush

Postgraduate Student,

Kuban State University named after I.T. Trubilin,
350044, 13, Kalinina str., Krasnodar, Russian Federation;
e-mail: Khagush@mail.ru

Abstract

The article examines the peculiarities of the legal status of the victim in criminal proceedings in the context of the application of procedural coercion measures to them. The contradictory nature of their status is noted: on the one hand, the victim is granted a wide range of procedural rights, and on the other hand, they are assigned duties, the non-fulfillment of which entails the possibility of applying coercive measures. The legal nature of the obligation to appear, summons by force, and monetary penalty in relation to the victim is analyzed; their preventive and repressive potential, as well as the risks of transforming the victim from an object of protection into an object of procedural control, are identified. Particular attention is paid to the problems of proper notification, assessment of valid reasons for non-appearance, consideration of the mental and material condition of the

victim, as well as the specifics of applying coercion to vulnerable categories (minors, the elderly, persons with disabilities). The conclusion is substantiated about the need for normative specification of the conditions and limits of applying procedural coercion measures to the victim, consolidation of the protective nature of their status, and recognition of coercion against them as an exceptional, rather than an ordinary, procedural measure.

For citation

Khagush A.N. (2026) *Primenenie mer protsessual'nogo prinuzhdeniya k poterpevshemu v ugovnom sudoproizvodstve Rossiyskoy Federatsii: predely dopustimosti i problemy pravoprimereniya* [Application of Procedural Coercion Measures to the Victim in Criminal Proceedings of the Russian Federation: Limits of Admissibility and Problems of Law Enforcement]. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava* [Matters of Russian and International Law], 16 (5A), pp. 448-456. DOI: 10.34670/AR.2026.56.21.051

Keywords

Victim, criminal proceedings, procedural coercion measures, obligation to appear, summons by force, monetary penalty, proper notification, valid reasons for non-appearance, status of the victim, vulnerable categories of participants in the process, research methodology.

References

1. Gorbunova, A. A. (2018). Aktual'nye problemy primeneniya mer protsessual'nogo prinuzhdeniya v otnoshenii poterpevshikh [Actual problems of applying procedural coercion measures against victims]. In Yu. F. Elsesser & L. A. Pavlov (Eds.), *Sbornik izbrannykh statey po materialam nauchnykh konferentsiy GNII "Natsrazvitie"* [Collection of selected articles based on the materials of scientific conferences of the State Research Institute "National Development"] (pp. 86–88).
2. Gorsky, V. V. (2009). Uchastie poterpevshego i ego predstavatelya v reshenii voprosa o primenении k podozrevaemomu (obvinyaemomu) mer protsessual'nogo prinuzhdeniya [Participation of the victim and his representative in resolving the issue of application to the suspect (accused) measures of procedural coercion]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Bulletin of Voronezh State University. Series: Law], 1(6), 341–348.
3. Karaeva, A. A. (2021). Otdel'nye voprosy primeneniya mery protsessual'nogo prinuzhdeniya v vide obyazatel'stva o yavke v otnoshenii svideteley i poterpevshikh v rossiyskom ugovnom sudoproizvodstve [Certain issues of the application of a measure of procedural coercion in the form of an obligation to appear in relation to witnesses and victims in Russian criminal proceedings]. *Naukosfera*, 2-2, 188–192.
4. Labusova, L. E. (2024). *Primenenie mer prinuzhdeniya v otnoshenii poterpevshego v ugovno-protsessual'nom zakonodatel'stve Rossii i stran SNG* [The use of coercive measures against the victim in the criminal procedure legislation of Russia and the CIS countries]. In *Ugolovnoe sudoproizvodstvo Rossii i zarubezhnykh gosudarstv: problemy i perspektivy razvitiya* [Criminal proceedings in Russia and foreign countries: Problems and prospects of development] (pp. 522–525). St. Petersburg.
5. Melnikov, V. Yu. (2014). Obespechenie i zashchita prav cheloveka pri primenении mer protsessual'nogo prinuzhdeniya v dosudebnom proizvodstve Rossiyskoy Federatsii [Ensuring and protecting human rights in the application of procedural coercion measures in pre-trial proceedings of the Russian Federation] [Doctoral abstract, Moscow].
6. Petrukhin, I. L. (1985). *Svoboda lichnosti i ugovno-protsessual'noe prinuzhdenie* [Personal freedom and criminal procedural coercion]. Nauka.
7. Tatyagin, D. V., & Mukhametgaliev, I. G. (2019). *Primenenie prinuzhdeniya k poterpevshim v ugovnom sudoproizvodstve Rossii* [The use of coercion against victims in criminal proceedings in Russia]. *Vestnik Udmurtskogo universiteta. Ekonomika i pravo* [Bulletin of the Udmurt University. Economics and Law], 29(1), 97–101.
8. Zaderako, K. V. (2005). *Inye mery protsessual'nogo prinuzhdeniya* [Other measures of procedural coercion] [Candidate's dissertation, Rostov-on-Don].